

ТОМАС ЭЛИОТ И ВОПРОС ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье анализируются заметки поэта и культуролога Томаса Стернза Элиота, посвященные образованию. Поднимаются вопросы о проблеме обязательного образования, роли семьи, доступности образования, взаимосвязи культуры и образования

Заметки Томаса Элиота, посвященные обязательному образованию, были написаны и опубликованы еще в середине XX века. Но творчество любого настоящего мыслителя и художника со временем становится только актуальнее. Читая и комментируя эту работу сегодня, поражаешься удивительной проницательности Элиота в отношении понимания феномена образования, его глубинной, подчас, пророческой мысли. Его размышления тогда, пятьдесят лет назад, казавшиеся большинству странными, надуманными, радикальными, сегодня абсолютно точно отражают реальность, в которой и существует «человек образованный».

Элиот не отвлеченный художник. Он всегда точно знал, что его волнует, в чем он видит проблему, какие пути выхода из сложившейся трудной ситуации можно предложить.

Сегодня отечественное образование переживает не лучшие времена: падение общего интеллектуального уровня, падение нравов, скудное выборочное финансирование значимых проектов, отчаяние большинства, являющееся закономерным итогом принадлежности к обществу потребления, незнание прошлого (истории), равнодушие к настоящему, боязнь будущего – все это заставляет искать пути развития нашего образования, которое, без сомнения, является основой, определяющей духовную, а часто и физическую сторону человеческой жизни.

Статья Томаса Элиота в данном случае выступает в роли некоего катализатора, дающего импульс к рождению мысли, которая, опираясь на интеллектуальную вершину прошлого, пытается понять, расшифровать настоящее, для того чтобы уже ближайшее будущее вселяло надежду.

Элиот считал, что догма о равенстве возможностей является наиболее влиятельной и находит твердую поддержку у известного числа людей, которые содрогнулись бы от последствий внедрения этой догмы. «Идеал может быть полностью осуществлен только тогда, когда институт семьи не будет пользоваться уважением

и родительские надзор и ответственность перейдут к Государству. Любая система, осуществляющая такой идеал на деле, должна следить, чтобы никакие преимущества семейной состоятельности, никакие преимущества предусмотрительности, жертвенности или честлюбивой устремленности родителей не дали ребенку или юноше доступа к образованию, превосходящему то образование, какого – по мнению системы – данный ребенок или данный юноша заслуживает» [1, с. 81].

На сегодняшний день институт семьи в России переживает, бесспорно, не лучшие времена. Огромное количество семей, точнее, родителей видит в системе образования (школа, колледж, лицей) тот институт, который совершенно может заменить собой институт семьи. Это утопия. Вся русская история доказывает обратное. Институт семьи есть институт, являющийся фундаментальной основой для здорового развития системы образования.

«Вместо того чтобы поздравлять самих себя с собственным прогрессом в каждом отдельном случае, когда школой принимается еще одна ответственность, до сих пор возлагавшаяся на родителей, нам бы следовало признать, что мы дошли до стадии цивилизации, когда семья стала безответственной, несведущей или беспомощной; когда от родителей нельзя ожидать, чтобы они должным образом воспитывали своих детей; когда многие из родителей не могут себе позволить обеспечить своим детям нужное им питание и не умели бы этого сделать даже при наличии средств; когда, наконец, должен вмешаться аппарат Образования и спасти то, что еще поддается спасению» [1, с. 84].

Образование – это предмет, не терпящий обсуждения «в вакууме»: одни вопросы поднимают другие: социальные, экономические, финансовые, политические. Сегодня необходима политическая воля элит. Необходимо вмешательство в «конфликт» института семьи и системы образования властной элиты, наделенной глубочайшим нравственным и интеллектуальным

авторитетом. Весь вопрос в том, существует ли в России сегодня такая элита.

Было бы неверным, считал Элиот, говорить о человеке примитивного общества или о квалифицированном земледельце любой эпохи как о полуобразованном, на четверть образованном или образованном на еще меньшую долю. Образование в смысле современном подразумевает общество в состоянии распада, где принято полагать, что существует единое мерило образования, соответственно которому человека образовывают в большей или меньшей степени. Исходя из этого, образование стало абстракцией. Приняв эту далекую от жизни абстракцию, легко сделать заключение, что средством, применяемым для восстановления цивилизации, должно быть образование, доступ к которому открыт для каждого. «Пока мы подразумеваем под „образованием“ все, нужное для формирования добропорядочного человека, живущего в добропорядочном обществе, мы с этим согласны, хотя заключение это, по-видимому, нас никуда не приводит, когда же мы начинаем подразумевать под „образованием“ ту ограниченную систему обучения, которой руководит или стремится руководить министерство просвещения, проступает явная и смехотворная неадекватность такого целительного средства» [1, с.94].

Склонность мыслить о культуре исключительно как о культуре групповой, о культуре «культурных» классов и элит, вводит всех в заблуждение снова и снова, предполагал Элиот. Он говорит: «Относиться к „необразованным“ массам населения подобно тому, как мы, возможно, отнеслись бы к какому-нибудь неисключенному племени дикарей, которых вынуждены обратить в истинную веру, значит поощрять их в пренебрежении и презрении к той культуре, каковой они обладать должны и из которой более осознанная часть культуры получает свои жизненные соки; ставить же себе целью приобщение всех и каждого к вкушению плодов более осознанной сферы культуры – значит разбавлять и обесценивать даваемое» [1, с.94]. Ибо существенное условие для сохранения культуры меньшинства – в том, чтобы она продолжала оставаться культурой меньшинства. «Массовая культура» всегда будет подменой культуры, и раньше или позже более разумные из тех, кому эта культура насаждается, обнаружат, что они были обмануты.

Элиот не ставит под вопрос пользы и не насмехается над достоинством общедоступных университетов или какого бы то ни было другого нововведения. Более вероятно, он считал, что эти учебные заведения будут полезны, по-

скольку они вообще могут быть полезны, и не послужат источником разочарования, если мы откровенно будем сознавать пределы их возможностей и будем бороться с иллюзией, согласно которой недуги современного мира можно выправить системой образования.

Чем больше образование будет присваивать себе ответственность, тем систематичнее будет оно предавать культуру – главный вывод Элиота. «В случае, если культура считается завершенной, ее стараются в молодые умы внедрить. В случае если она рассматривается как стадия развития, молодые умы готовят к ее восприятию и ее совершенствованию. Теперь нам известно, что высочайшие достижения прошлого – в искусстве, философии, святости – были всего-навсего „стадиями развития“, совершенствованию каковых мы можем обучать своих отпрысков. Мы не должны готовить их к одному лишь приобретению культуры прошлого, ибо это означало бы считать культуру прошлого завершенной. Мы не должны насаждать в юных умах культуру, хотя нам разрешается насаждать в них любую злободневную политическую и социальную философию. И мы знаем, что – в состоянии ли образование содействовать и совершенствовать культуру или не в состоянии, – оно наверняка способно ее обесчестить и снизить. Ибо нет сомнения, что, взявшись, очертя голову, образовывать всех и каждого, мы снижаем наши критерии и все чаще и чаще отказываемся от изучения тех предметов, через которые передаются наиболее насыщенные элементы нашей культуры – той ее части, что передается путем образования; и разрушаем наши старинные памятники, освобождая место для варварских кочевников будущего, готовых разбить там лагерь для своих механизированных орд» [1, с.97].

Сегодня в умах людей, занимающихся проблемами образования, главенствует одна идея – образовывать всех и каждого. Тем самым мы каждый день снижаем наши критерии и все чаще и чаще отказываемся от понимания важности, соответственно от изучения тех предметов, через которые передаются наиболее насыщенные элементы нашей культуры, той ее части, что передается путем образования, которая без сомнения является основой нашей цивилизации; мы разрушаем наши «старинные памятники», освобождая место для «варварских кочевников будущего», лишенных той культурной основы, которая абсолютно зависит от того, как и что мы сегодня преподаем нашим детям в школе, колледже или лицее.

На сегодняшний день стало очевидным, что система государственного образования, выра-

ботанная в России за последние несколько десятков лет, достигла определенного этапа и нуждается в реформировании среднего и высшего образования.

Каждый преподаватель сегодня не только на своем рабочем месте, но и онтологически осознает и переживает понимание того, что никакая система обязательного, точнее, тотального образования не в состоянии заменить собой институт семьи. Именно семья является «тем фактором светлого будущего», который обеспечит гражданину и государству достойное место в проекте под названием «XXI век». Только ре-

альное, фактическое проведение «года семьи», причем ежегодно, в нашей стране способствует действительной и необходимой, и столь долго и много обсуждаемой реформе российского образования на всех его этапах и уровнях. Ответственность власти, интеллигенции, культурной и научной элиты состоит в данном случае в том, чтобы внимательно и бережно вновь обратиться к опыту прошлого: не только отечественному, но и зарубежному, до сегодняшнего дня не очень изученному. Таким опытом без сомнения является творческое наследие нобелевского лауреата Томаса Элиота.

Л и т е р а т у р а

1. *Элиот Томас Стернз*. Избранное : религия, культура, литература : т. 1-2 / пер. с англ. под редакцией А. Н. Дорошевича ; сост., науч. ред., послесл. и коммент. Т. Н. Красавченко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 750 с. (Сер. «Книга света»).

